

21% да гэтага ставяцца нейтральна.

І ўсё-такі большасць, 62%, палічылі гэта выдатнай ідэяй: муралы адназначна ўпрыгожваюць горад і прымушаюць задумацца, згадаць пэўныя факты і з’явы жыцця, па-свойму эстэтызуюць гарадское асяроддзе, робяць яго запамінальным.

Спіс выкрыстаных крыніц:

1. Вікіпедыя Стрыт-арт [электронны рэсурс]. Рэжым доступу <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%82-%D0%B0%D1%80%D1%82> – Дата доступу: 11.01.2023
2. Crossarea Стрыт-арт [электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <https://crossarea.ru/street-art/street-art/> - Дата доступу: 15.01.2023
3. Бяльчук Л.М., Шафаростава Я.И. Вынікі анкетавання.

13. Швед И. А., директор Центра изучения Беларуси в Аньхойском университете; д.фил.н., профессор, профессор кафедры русской литературы и журналистики УО «БрГУ им. А.С. Пушкина» (г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 398

«КАЖДЫ ПО СОБИ? – НЕ!»: О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ, ДОМЕ, ПРОСТРАНСТВЕННОМ МИРЕ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ ЖИТЕЛЬНИЦ БРЕСТЧИНЫ

Аннотация. В статье³ на полевом материале Брестчины (это в той либо иной степени стереотипизированные женские повествования, зафиксированные в 2020–2022 гг.) прослеживаются семантика и функциональность пространства как

³ Работа выполнена в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» ГПНИ на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства (№ госрегистрации 20211451) при финансовой поддержке Министерства образования РБ.

средства моделирования внепространственных (родственных) отношений. Особое внимание уделено рассказам, отражающим идею единства семейного коллектива и его локализации, а также представления жительниц Брестчины о родительском (дедовском) доме. Отмечено, что значимые для семейных рассказов концепты (род, семья, дом), имея непосредственное отношение к пространству, несут на себе дополнительную, существенную для этих рассказов прагматическую нагрузку.

Ключевые слова: Брестчина, повествовательный женский дискурс, семейный рассказ, пространственные категории, дом, род, семья, родственная связь.

Shved I. A., Director of the Study Center Belarus at Anhui University; PhD, Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Journalism UO "BrSU named after A.S. Pushkin" (Brest, Republic of Belarus)

«EACH ON HIS OWN? – NO!»: ABOUT FAMILY TIES, HOME, AND THE SPATIAL WORLD IN MODERN FAMILY STORIES OF BREST RESIDENTS

Annotation. The article, using the field material of Brest region (these are to some extent stereotyped women's narratives, recorded in 2020–2022), examines the semantics and functionality of space as a means of modeling extra-spatial relations. The article pays special attention to the narratives, which reflect the idea of the unity of the family collective and its localization, as well as the ideas of Brestchina residents about parental (grandfather's) home. It is noted that the concepts significant for family stories (kin, family, home), being directly related to the space, carry an additional, essential for these stories pragmatic load.

Keywords: Brestchina, narrative women's discourse, family story, spatial categories, home, kin, family, kinship.

Повествовательный женский дискурс регионов Беларуси – динамический процесс коммуникативной деятельности женщин, вписанный в ее традиционный социокультурный контекст, и совокупность текстов-реплик как результат этой деятельности – все еще не стал специальным полноценным предметом исследования белорусской фольклористики. В фокус внимания отечественных исследователей пока не попал ряд аспектов семантики (в том числе акцентирующей пространственные категории) и прагматики женских рассказов, которые можно отнести к семейному фольклору Брестчины.

Исследование повествований, зафиксированных мною и студентами БрГУ имени А.С. Пушкина с помощью средств аудиофиксации (реже – в письменной форме) в Брестской области, и хранящихся в архиве лаборатории «Фольклористика и краеведение» указанного ГУО, позволит уточнить место и роль пространственных категорий, образа дома в традиционной картине мира белорусов (с учетом ее гендерного и реги-

онального аспектов), проследить функциональность пространства как средства моделирования внепространственных отношений, а также охарактеризовать определенные сферы традиционных женских знаний, «жизненные миры», доминанты мировосприятия и нарративные стратегии современных (записи произведены в 2020–2022 гг.; если ранее, то это указывается) жительниц Брестчины. Представленный материал является лишь фрагментом более крупного целого – в большей либо меньшей степени стереотипизированных семейных рассказов Брестчины.

Что касается актуальности исследовательского акцента на пространственных категориях, образе дома в названных повествованиях, то она, среди прочего, обусловлена общим «пространственным поворотом» в современном научно-гуманитарном дискурсе, активизацией исследований в сфере антропологии пространства, интенсивной разработкой «пространственно-центрических» теорий, трактующих человека как «пространственное существо» в связи с решением сформулированных Я. Лейманом и его единомышленниками вопросов о так называемой глубинной природе человека (социобиология), статусе культуры (ее пространственно-центрическая модель распространения), систематике «человеческой выразительности» (жестикуляция) и связанной с этим проблемы культурного релятивизма (включая вариабельность пространственных кодов) нашего социального/пространственного поведения [1, с. 336].

Современные научные и философские направления рассмотрения проблематики пространства различны – это не только отмеченная выше антропология пространства, но и онтология пространства (касается всех сущностей), биология пространства (касается живых организмов), экология пространства, зоосемиотика, социобиология, социология, аксиология и семиотика пространства, часть гуманистической экологии или экологии человека [1, с. 324, 336]. Для фольклористики, использующей междисциплинарные подходы, интересны идеи о том, что «пространство человеческой жизни, во-первых, организовано, а во-вторых, является частью определенной психофизической диспозиции, принадлежащей нашей (глубинной) природе» [1, с. 323], а также оба основные направления изучения пространства человека, которые предполагают реализацию соответственно статического и динамического подходов. «В первом случае объектом изучения становятся все отношения между людьми, группами людей и пространством, которое их окружает. При втором подходе предмет исследования расширяется и включает в себя аспект взаимодействия между группами/ лицами/индивидуумами, “ведущими себя” в определенном пространстве определенным образом. Разделение этой семиотики пространства – используя терминологию Дельсарта и позднее принятой Эко и Холлом – в исследовательской практике соответствует разделению на кинесику и проксемику» [1, с. 333]. В иных категориях семиотика пространства, в том числе представленная в интересующих нас повествованиях, может обсуждаться с точки зрения феноменологии либо/и (при возможности интеграции двух подходов) когнитологии (если пространство трактуется как элемент картины мира с акцентом на мифопоэтических коннотациях). Второй аспект применительно к произведениям литературы глубоко раскрыт Ю. Лотманом. Ряд полученных им результатов применим и к изучению достоверных рассказов различной степени стереотипности («фольклорности»). В частно-

сти, в достоверных нарративах (несказочной прозе), как и в художественных произведениях литературы, пространство может выступать, говоря словами авторитетного московско-тартусского семиотика, конструктивной основой текста, способом моделирования мира, континуумом, в котором размещаются персонажи и совершается действие, формой бытия эстетической действительности, оно также способно реализовывать в тексте различные дополнительные смыслы, значимые для интерпретации этого текста. При этом в наивном восприятии пространство текста и физическое пространство могут отождествляться, и даже когда пространство (Ю. Лотман говорил о художественном пространстве) выполняет функцию моделирования внепространственных отношений, оно «обязательно сохраняет, в качестве первого плана метафоры, представление о своей физической природе» [2].

В теоретико-методологическом аспекте, а также в плане образца изучения в определенной степени стереотипизированных повествований важным является предшествующее данной статье основательное исследование семейных рассказов, проведенное И.А. Разумовой на материале северо-запада России [3]. В нашей работе на ином эмпирическом материале продолжается изучение «пространственных измерений» женского повествовательного дискурса на темы семьи, рода, (родового) дома. Эти ключевые элементы семейных повествований тесно связаны между собой, образуя единство. Исходя из рассмотренных нами текстов, можно утверждать, что дом (и даже хата) в представлениях рассказчиц – это и есть семья. Так, уроженка Вороцевич, отвечая на вопрос о том, в честь кого обычно называли детей, говорит: *«А хто яго знае. Бач, булы колыся і по дві аднаковых імені в хаты»* (Галина, 69 л., Вороцевичи Ивановского р-на).

Единство семейного коллектива и его локализации, единодушно подчеркиваемое многими славянскими исследователями, широко представлено в повествовательном женском дискурсе Брестчины. В этом плане также показательны ответы студенток-первокурсниц на вопросы о том, кого у них в семье принято включать в круг родственников: *«Ну, родственники это те, кто живут с тобою рядом, по-моему это логично»* (Ирина, 20 л., Брест), о том, что такое в их представлении семья (*«Семья в моем понимании – это некое гнездо, в котором все появляются, после чего улетают»*) (Христина, 18 л., Брест), идеальный дом (*«По моему мнению, идеальным домом является тот дом, в котором ты живешь счастливой жизнью, и дело абсолютно не в какой-нибудь мебели, новой либо старой, не в квадратных метрах, а именно в семейном счастье»*) (Христина, 18 л., Брест), *«Идеальный дом – это там, где все твои родные и близкие, которые собрались вместе, что бы отметить какой-нибудь праздник»* (Виктория, 18 л., Брест). Согласно записям Брестской области, как и других регионов, «уровень знаний о родственниках и частота контактов с ними воспринимаются и выражаются в языке в пространственном измерении» [3, с. 124]. Семейный круг сужается (вплоть до родителей и детей: *«В нашей семье принято включать в этот круг только самых близких и родных людей, то есть маму, папу, кровных брата, сестру и самого себя, конечно же»*) (Христина, 18 л., Брест). Акцент на кровном родстве характерен и иным рассказам: *«Я думаю, семья – это самые близкие люди, кровные родственники. В кругу наш... в круг нашей семьи входят, наверное, как и во все семьи, бабушки, дедушки, мама... мамы, папы, братья, сестры,*

дяди, тётки, то есть **все самые близкие, кровные родственники**» (Наталья, 47 л., Жабинка). Часто (но, как следует из приведенного высказывания Христины, не всегда), молодые респонденты в семью включают бабушек и дедушек. Что касается самих бабушек и дедушек, то они всегда считают членами (причем, «основными») своей семьи внуков («Ну, семья – это отец, мать, дети, внуки» (Мария, 71 г., Кривое Село Пинского р-на), «Сем'я – діти для мэнэ всэ, дед, шэ як покуда булы і нашы родітелі, то тожэ, гэта ўсі моі родствєннікы булы, вся наша сем'я, унукуы – гэта **самэ основное – діты і унукуы**» (Валентина, 63 г., Сычево Ивановского р-на). Во время разговоров на разные темы женщины, имеющие внуков и правнуков, обязательно акцентируют этот факт, могут подробно рассказывать о своих отпрысках и их достижениях (в учебе, спорте, творчестве и т.д.). На стенах, полках обязательно размещены фотографии детей и внуков, отражающие их рост и «социальный успех» (садик, школа, армия, свадьба и т.д.). Для вышедшей замуж женщины семья может сужаться до брачного партнера и ребенка (иногда исключается старшее поколение, даже родители). В высказываниях респонденток может непосредственно подчеркиваться идея изменения «пространства семьи» вместе с изменением их статуса, например: «Ну семья – это те люди, которые, Лия, заботились обо мне с самого детства, кто рос со мной, т.е. прежде всего мои родители, мой брат, мои сестры, тети, дяди, бабушки, дедушки. **Затем моей семьей как бы стал мой муж, его родня, ну и конечно же мои дети**» (мама рассказывает студентке Лие; Брест). Нельзя также не отметить тенденцию (характерную более молодому поколению) определять круг родственников близостью не столько «по крови», сколько «по душе». Так, отвечая на вопрос дочери, женщина 1978 г.р. говорит: «Ну семья – это прежде всего дети, родители, бабушки, дедушки. **А также могут быть в составе семьи, ну, подходить, и далекие родственники, если с ними поддерживаешь хорошие отношения. А могут и не входить близкие, если с ними нет никаких общих контактов**» (Оксана, 42 г., Пинск).

Согласно имеющимся в нашем распоряжении повествованиям, человек через близкое (во всех смыслах) пространство дома (часто трактуемое как социальная категория) входит в «большой мир», учится воспринимать его и действовать в нем, и вместе с тем в этом наиболее освоенном, «своем», уютном, «где всегда ждут», пространстве дома укрывается от негативных проявлений «остального мира». Единение в родительском (дедовском) доме родственников может происходить в течение дня (за ужином или обедом, например, работающие или учащиеся дети нередко приходят на обед к бабушке-пенсионерке), по случаю необходимости коллективной работы (ремонт дома, уборка приусадебного участка и могил родственников). Обязательно собрание широкого круга родственников для участия в «переходных» обрядах (свадьба, похороны, крестины). Впрочем, на вопрос «По каким случаям Ваши родственники собираются вместе?» имеются и ответы типа: «Их довольно сложно собрать, не помню, когда последний раз они собирались, **кроме похорон, все вместе**» (Виктория, 18 л., Брест).

Нередко можно услышать о том, что со временем «из семейного гнезда» разлетаются подростки, семейные связи распадаются, поскольку родственники разъезжаются по всему свету. Вместе с тем о связи родственников, живущих отдельно, опосредованно свидетельствуют «неслучайные совпадения», в

частности, родственники и даже свойственники могут иметь похожие по определенным критериям жилища, например: *«В моем доме повторяется число пять. Моя семья и семья моих тётъ живут на пятом этаже, родители мужа сестры тоже живут на пятом»* (Ксения, 18 л., Брест). Нередко родные помогают друг другу обустроить жилье: *«Буваюць і саветы, а ек жэ, всігда мы саветуемся, як шо нам сделаты чы шото, як шо трэба сделаты кому чы шо, то мы всегда собираемся і саветуемся, як это лучшэ, шоб зробіты. Ото як і крестный получава і квартіру, мы всі собралысь, посоветовалысь, як эта шоб лучшэ зробіты, коб шо хто міг той... собралысь, всё. У нас всігда, мы саветуемся. **Каждэ по собі? – Не!**»* (Валентина, 63 г., Сычево Ивановского р-на).

Вообще тема проживания родственников в разных населенных пунктах региона и даже других стран, т.е. вдали друг от друга, возникает очень часто в повествовательном женском дискурсе Брестчины (*«Братья и сестры бабушки **разъехались по разным городам и странам**. Многие живут, так же, как и мы, в Пинске, другие остались в Нечатово, или переехали в соседнюю деревню Федоры. Две старшие сестры моего дедушки переехали в Россию, в Калининград. Мама моего папы родилась в деревне Кончицы. Также после свадьбы переехала в Пинск, а в деревне осталась ее сестра. Про дедушку я вообще ничего не знаю, так как он бросил свою семью, создал новую, и поэтому мы никогда не общались»* (Диана, 18 л., Брест). Приведенный текст, среди прочего, характерен отражением типичной ситуации неинформированности детей (внуков) о роде отца (деда), если предки находятся в разводе и ребенок воспитывается матерью (бабушкой по материнской линии). В связи с темой «разлетевшихся по свету» родственников важно указать и на противоположное – центростремительное – их движение в рассказах о генезисе рода, истории (как правило, мифологизированной) его «собирания в пространстве-времени», «докочевывания до актуального хронотопа»: *«Мама и папа родились в Брестской области, так же, как и бабушка. Прабабушка и прадедушка приехали из России... Если верить некоторым источникам, предки наши пошли ещё с Золотой Орды, там было Русское Царство и **докочевали до нашего времени»** (Виктория, 18 л., Брест).*

Наши собеседницы различных возрастов часто утверждают, что связь (особенно в праздничные периоды) между живущими в разных местах родственниками поддерживается по телефону (ранее было принято писать друг другу письма с вложенными в конверт фотографиями «на память»), например: *«Мои родственники живут в других городах и не всегда имеют возможность приехать на праздники, но всегда поздравляют по телефону»* (Ксения, 18 л., Брест). Все родственники особое внимание уделяют предкам почтенного возраста, их юбилейным датам, дням рождения: *«Круглы даты отмечаем всігда, вот у деда було юбілеі: 50, 55, 60, всегда отмечалы, і ў мэнэ отмечалы, венчэлысь, ек було 50 лет деду. **Собіраем всю родню свою – дедову, нашу. Мы всі собіраемся і сідім. Прыежаюць усі діткі і всі внучкі, всі прыежаюць»** (Валентина, 63 г., Сычево Ивановского р-на), *«Обычно вместе мы отмечаем дни рождения друг друга, а особенно день рождения моей прабабушки Валентины Григорьевны. Её день рождения приходится на 2 января (хотя, возможно, она родилась немного раньше, так как в Новый Год ее не пошли регистрировать). На её день рождения**

приезжают все друзья и родственники, звонят знакомые из разных городов и стран. **Именно про ее день рождения помнят все.** Также мы всегда вместе празднуем *Новый Год и Пасху*» (Елизавета, 19 л., Брест).

Родительский (дедовский) дом – место, где рассказчик родился, вырос, где живут либо жили ранее его предки, обычно вспоминается с особым теплом и осмысливается как «настоящий дом». Его образ часто моделируются в личных воспоминаниях о детстве (например : *«Домом детства я считаю свой родной дом, где я прожила 18 лет, пока мне не пришлось уехать учиться. В этом доме меня также всегда ждут, любят и тут хранятся все мои вещи. Моя комната всегда остается нетронутой до моего приезда»* (Ксения, 18 л., Брест). Обращает на себе внимание акцентированная девушкой «нетронутость» ее комнаты, сохранение вещей в «доме детства».

Повествование творческих личностей о «малой родине», односельчанах, предках рода, родительском доме – это и рассказ о своей увлеченности народным искусством, интересах, унаследованных с детства от «малой группы» – семейной и соседской. Так, народный мастер Республики Беларусь Мария Николаевна Кулецкая (из семьи учителей) рассказывает: *«Я родам – это вёска Новосёлкі. Народзілася ў вёсцы Новосёлкі Пружанскага раёна. Во. Ой, вёска была вялікая, а цяпер там некалькі хат засталася. І так шкода, столькі людзей было многа, такіх цікавых, такімі ўсякімі народнымі промысламі займаліся, а мяне гэта было вельмі-вельмі цікава, потому што мяне з дзяцінства якое прывучылі до гэтаго. І бацькі займаліся. Бацько мой любіў плотнічаць, бабуля вязала, вышывала, ну, а мама таксама ўмела шыць, вышываць, вязаць, усё... Гэта ў нас як бы народная творчасць, у мяне з самога-самого дзяцінства, вась. У мяне там, у Навасёлках, былі, вот ну у нас былі суседзі, якія займаліся саломпляценнем, аплекацыю з соломкі. Вось і я ўвесь час люблюся гэтымі палямі жытнёвымі і думаю: “Божа, колькі ж тут можна ўсяго зрабіць з гэтай саломы!” [смеется]. Во і я поэтому я як бы і сею эта жыта, сама сею, потым яго жну <...> Я во ўсіх домах, вот у вёсцы, ну, бачыла от такіе на сцекле малюнкi. Вельмі прыгожыя: вась і голубкі, і кветкі, вась букеты! <...> І выцінанка была, бачыла ў многіх, от тут у шкафчыку, там ілі под іконою, то так [показывает, что в ее доме вытинанка находится в тех же местах, что и в старых домах родной деревни]. Ну просценько вырэзано, но красіво. І на сьвято такую повесят, свеженькіе гэтыя вырэзаныя штучкі. Мама моя тожэ рэзала гэтыя выцінанкі. Ну інцэрэсно это, вэльмі інцэрэсно, вот. Потом ешо тожэ, і на Новы год тожэ гуляння усякіе там тожэ былі, інцэрэсныя. Ну молодёж гуляла, а мы ж дзеці. Еслі я малою ішы тоды была, то я сільно там жэж ну, ну збоку гледзела, наблюдала за гэтым усім. Весело было, весело. Молодэжы было многа, не скажэш, шо зараз. Ужо ў нас совсем дерэўня знікае-знікае... [Усе ўезжают]. Ой, як знаю, так грусно. А так заезжаю [в родительский дом]...» (Мария, 72 г., Пружаны). Как следует из приведенного рассказа, тема «родного гнезда», талантливых предков и односельчан, которые во многом определили жизненный путь, склонности и интересы рассказчицы, тесно переплетена с сожалением о запустении родной деревни, в которую тоскующая по малой родине женщина все равно «заезжает».*

Образ родительского (дедовского) дома часто возникает и в повествованиях об истории рода. В них нередко рисуется идиллическая картина большой, дружной семьи. Особое внимание акцентируется на семейных и календарных праздниках, отмечаемых соборно (семейной, родовой, соседской группой) в доме гостеприимных и уважаемых в округе предков. Эту традицию собирания родственников в дедовском доме длит и молодое поколение, в том числе горожан: *«Мои родственники собираются в основном когда у кого-нибудь день рождения или какой-нибудь праздник, например Рождество <...> Это дом моей бабушки, на все семейные праздники мы там собираемся и отмечаем»* (Виктория, 18 л.; Брест).

Таким образом, родительский (дедовский) дом выступает в качестве организующего центра пространства рода. Единение рода происходит в доме бабушек и дедушек. Если речь идет о сельском доме предков, то туда младшие поколения съезжаются весной, летом, осенью, чтобы, среди прочего, совместно произвести хозяйственные работы. Внуки нередко проводят там летние каникулы, с чем обычно связаны хорошие воспоминания (*«У меня есть родовой дом по папиной линии. Там живут бабушка и дедушка. В этом доме мне всегда рады и всегда вкусно накормят. В этом доме, буквально, проходило все мое детство. В доме всегда убрано и раньше пахло свежими блинами. На стенах висят фотографии детей и внуков моей бабушки. Много растений внутри, и еще больше снаружи. Простенький дом в конце деревни с уютом внутри. Я его посещаю с чувством теплоты и радости, чаще всего летом»* (Ксения, 18 л., Брест)). Мама рассказывает дочери-студентке о дедовском-доме: *«Все детство я проездила туда: помогала по хозяйству дедушке и бабушке, вот, ходила на поля полоть, картошку, буряки, огород тоже полдела в детстве, коров пасла, доила. Вот и сейчас ездим к дедушке и к бабушке в деревню. Там живет твоя тетя. Также собирается там мой брат со своей семьей, сестра моя родная приезжает со своими детьми. Там на шашлыки какие-нибудь, встретиться со всеми. У нас очень большая родня. Очень много детей. Ну и как бы в родительском доме мы хороним наших родственников. Мы там как бы прощаемся со всеми»* (Лия, 18 л., Брест). Обращает на себя внимание упоминание похорон и поминок в связи с темой дедовского дома. Очень часто с таким домом, проведенным в нем детством связана ностальгия благодарных потомков: *«Есть у нас дедовский дом, даже два. Один в деревне Лосичи, другой в деревне Нечатово, там прошло наше с братом и с другими двоюродными все наше детство... Ну приезжаем туда... вызывает ностальгию, вызывает чувства благодарности своим дедушкам и бабушкам, желания вернуть все обратно»* (Оксана, 42 г., Пинск). Бабушки рассказывают повзрослевшим внукам истории, связанные с времяпровождением последних в дедовском доме, о следах, оставленных в нем детьми, например : *«Ну я помню як ты мне у комнаты на обоях нарисовала. Я прыхожу, а ты рыбок на стене нарисовала. Я у тебя спрашиваю: “Лица, што это?” А ты говоришь: “Ты што не видишь, эта акварыум, тут рыбки плавают”. Долга мы яшчэ тыя обои не меняли»* (Валентина, 85 л., Малые Мурины Каменецкого р-на).

Именно в фамильном доме родственные семьи собираются на праздники. Особо важна «соборность» семьи, рода и соседской общины в праздники Рождества и Пасхи. Если по каким-то причинам члены этих групп не могут участвовать

в освящении вербочки либо пасхальной пищи, это вместо них делают родные и соседи: *«На Пасху мы всегда святить ездим вместе, а именно: с моим дядей Володей, сестрой Аней, бабушкой Валею (я ее всегда называю бабушка, хоть она мне и прабабушка) и я. Обычно мы берем с собой 3 корзинки – это наша корзинка, корзина для семьи моей сестры, и корзинка нашей соседки, так как сама она не может. И мы всегда ездим в церковь в Брестскую крепость»* (Елизавета, 19 л., Брест).

Говоря о колядовании, уроженка Пинского района считает важным подчеркнуть то, что в доме собиралась вся семья: *«Да поздоровляюць! Поздоровляць, да і ідуць у другу хату... А в хатах ужэ збыралася вся сем'я, да спраўляюць»* (Анна, 84 г., агрогородок Сошно Пинского р-на, переехала из д. Вылазы). Согласно нарративам женщин старшего поколения, в определенные периоды праздничного календаря важно было собраться «всей семьёй, всей раднёй, всем селом» и ритуально пригласить за специально накрытый стол умерших предков(а на Коляды даже стихии), например: *«Ой, у нас Новый год особо не праздновали, а Рождество праздновали родители – очень интересно. Собирались, можно сказать, всей деревней. В гости к друг другу ходили. С самого утра приходили колядоваты детки <...> Всей семьёй, всей раднёй... Всем селом, все соседи. Ну потом друг к другу в гости ходили. Ну весело! Мы колэ зварэм куттю, там нэ тока куття. Эта была получается “Багатый вечер” был. Надо было 12 страв, шоб было, на столе. И колэ 12 страв на столе стоить, и эта куття. Куття всегда смачная была! Туда ложэлы: арешки, мёд. Ну интересно так было. И всё время, всё мама говорила: “Так, прэжди чым садиться куттю йсты, дывіться в окошко и говоритэ: ‘Диду Морозэ, ходэ куттю йсты, як нэ прэйдыш на куттю, то нэ прыходь литом на посеы’”. Бо всё говорэлы: “Якшо, нэма мороза зымою, така слякоть, то будэ мороз, колэ посееш”. Знаешь, бувають заморозки на посеы. Якшо бачыш в окне свое отражение, то значит, Дид Мороз прышов до вас куттю йсты. И вжэ в конце, колы вси пойлы. Попробовали той, пойлы кутти. И вси ставылы ложки, так вот по кругу, в ту куттю вставлялы. И сверху хлебушек. И всё говорэлы: “То всё остаётся для Диды Мороза, оста... всё нэ дайдайтэ, оставтэ для Диды Мороза”. А куття то смачна була, хотилось чым побольше з'йсты»* (Наталья, 45 л., Брест, переехала из Теклино Камень-Каширского р-на Волынской обл.). Приведенный текст, как и многие другие описания домашних праздников, кроме интересующего нас «пространственного измерения», актуализирует связанные с ним гастрономический, одористический и иные аспекты. Общим местом таких рассказов является акцент не только на ритуальной, сакральной, но и эстетической компоненте. Специально отмечают уборка, украшение дома, иногда эксплицитно либо имплицитно присутствуют указания на заполненность праздничного пространства дома светом, цветом, приятным запахом, свежим воздухом и под, например : *«І Паска у нас харашо пражнавалас тожэ, это такой большой празнік. Ой, тогда вапце, всё в доме убіралі, так і перед Калядамі, всё в доме убіралі, вычышчалі і акошкі перед Паскою мылі, на Рожество тожэ. Мама всё, все занавесочки падсіньвала, крахмаліла, такая красота была м-м-м! Бельё всегда накрахмалянэ, падсінянае было у нас, а перед Паскою тожэ, тогда пост, тогда не так як ичас. Мама всегда пекла пірагі на празнік, якія харошыя, ой*

Боже ты мой! Запекала кумпяка, это окорок по современому, кумпяк. Она обмазывала ў цесто і ў печы запекала. Красілі яйца, тагда красілі только цыбульною шэлухою, луковічную. Якрас мы хаділі по деревне і сабіралі яйца, прыходілі, паздравлялі с Паскою. І нас ўгошчалі яічкамі» (Лидия, 59 л., Минки Березовского р-на). В детских воспоминаниях женщин старшего поколения нередко описывается приятный запах, исходящий от праздничных блюд, которые в печи готовила мама (либо бабушка), и невыдержанность детей, стремящихся их попробовать, несмотря на запрет. Кстати, мотив вкусной еды и приятного запаха нередко появляется в высказываниях молодых респондентов об идеальном доме, например: «Идеальный дом для меня там, где тебя всегда ждут. Там, где наготовлено **и пахнет ароматным зеленым чаем**» (Ксения, 18 л., Брест) (выше отмечалось, что в таком доме стоит запах свежих блинов). Вместе с тем молодежь может высмеивать стремление старших женщин семьи создать «хорошую ауру» в доме, например, с помощью апельсиновых корок: «Моя бабушка не знает особо народную медицину, но у неё есть заскоки в плане того, что она раньше верила [усмешается], что **высушенные апельсиновые корки, если их подкладывать в одежду или спальню, где ты спишь, короче, типо становится [смеется], я не знаю, становится лучше, ощущается какая-то аура или что, или организму живется, короче, легче [смеется]. Это на самом деле весело**» (Ирина, 20 л., Брест).

Особый интерес представляют рассказы о подготовке жилища к Новому году и Рождеству, накрывании стола в советское время дефицитов, неоднозначном отношении к Новому году (приходящемуся на пост) представителей разных поколений и др. Так, вспоминая о домашнем праздновании нового года в 1970–1980 годы, уроженка д. Минки говорит: «Ну так як і все [отмечали], включалі целевізор, гатовілі еду. Канешна, гарошек стараліс, тагда было дастаць калбасу варёнку – эта праблема, гарошек дастаць – праблема, то всё мы закупалі заранее. Маянэз другой раз не хватало, маглі дабавіць места маянеза сметану, но стараліс найці маянэз. А еслі калбасы не палучылася, варылі мяско отварное, не жырнае, резалі меленькімі кусочкамі, хаця он, салат, вот этот алівье, і шчітаеца правільно с мясом, а нэ с колбасою, вот. Агурчкі дабавлялі, алівье, катлеткі, всё гэто мы жарілі. Хаця тада постныя дні былі, бо перед Ражеством! **Мы кушалі, мама старалас такога ны есць, мы – деці – елі.** Саділіс у двенацаць часоў, паздравлялі, глядзелі “Галубой аганёк”, для нас это было тагда очень харашо. Ёлачка гарэла, всё. [А калі елку ставілі? Намнога раней за трыдцать першае чысло?] Ой не, не, мы всё ўбіралі в хаце, всё убіралі, выбівалі, вымывалі, палавікі у нас былі, тагда каўроў нэ было. Всё павысцірвают, эты палавікі віселі на заборах ані у нас, мы іх ткалі с мамою всё. І этаво, **эта всё чысценько вымывалі, вычышчалі.** І ёлачку мы уже наражалі трыццатаво, а то і траццаць первова чісла. Вешалі мы такія ланцужкі, резалі бумагу, красілі обычныя лісты, вот этыя белыя бумагі с цетраді, красілі краскамі, резалі палосачкамі і делалі такіе калечкі, і саедінялі адно с адным, такія былі ланцужкі бумажныя. Потом ешчы з такой бумажкі тоненькой нарезалі по бокам, с одной стараны разрэзалі і з другой, а посередіне такая полосочка роўная. Такія ў нас украшэнія на ёлку былі, это мы заранее іх делалі. Снежынкы вырезалі, ну тоже с тетраді, з бумагі этой. Маглі цветныя вырызаць, но стараліса беленькая,

хорошчыя былі. І всё... мы ёлку только тогда. І она ўжо у нас стаяла до Крэшчэня, до двадцать первая, по-моему ж Крешчэніе, до этово числа, а тада уже убірали. Патом старый новый год празнавалі чатырнацава числа, то ў нас ешчо ёлка стаяла. Ну і стараліса да двацаць первого, но обычно уже могли после старава новага года разобраць ёлку. Две нелелі у нас ёлка». Далее следует типичное для рассказов представителей страшого поколения сравнение прошлого и настоящего (как правило, в пользу первого): «**Это ны шчас, шо ўже на месяц тая ёлка, нешо открывають тую ёлку, зажігають огні. Не. Ёлка – это Новы год і всё. Оно не надоедало, і дечям было інцэресно, і ждалі, а зарэ вона два месяца горыт, ужэ вона прыесца**» (Лидия, 59 л., Минки Березовского р-на).

В воспоминаниях о малой родине, родительском доме подчеркивается связь с прошлым, позитивно осмысленной традиционной этнокультурой. Как и в записях с северо-запада России [3, с. 128], акцент делается на том, что фамильный дом является собственностью предков либо унаследован от них детьми, а также на таком имущественно-земельном статусе «дедов», который позволял им обеспечивать свои потребности и продолжение рода. Такие воспоминания ассоциированы «с идеей крепости и прочности рода, его устойчивости» [3, с. 128]. Вместе с тем часто подчеркивается, что исторические перепетии, в первую очередь Великая Отечественная война и коллективизация, разрушительно повлияли на дом, семью. Приведем показательный в этом плане пример разговора внучки с бабушкой: «*[Кем были Ваши предки?] Крестьянами, кем были. [А были какие-нибудь помещики?] Ну так помещик твой прадед был, прадед был помещик. [А были дворяне?] Нет, он не дворян был, это самое, у него было очень много земли. Сенокоса много было, скота много было, у твоего прадеда Филипа. **Богачи были, а под старость стал нищим, слепым. Потому что всё, всё забрала забрала советская власть, а война спалила всё.** Приехали на голую землю без ничего. И везли, это самое, в Германию их же были угнали. То хорошо, шо твой прадед да с твоей прабабушкой, они в Германию ни уехали, потому шо по дороге, када их гнали в Германию, кобыла была беременная. И твой прадед попросил немца, шо вот кобыла рождает и можно мы съедем в эту сторону. А он гон... говорит: “Съезжайте”. “А кобыла рождает, как же нам ехать”. А он показал: “Съезжайте в сторону”. Они съехали в сторону, да вернулись назад в деревню. Да это самое, да хоть уже засеяли ещё поле, ещё ж урожай кое-какой собрали. **Землянку какую-то сделали. Потому шо дом же спалили.** Да уже и приехали эти, уже твои прадед и прабабушка, и вже прадеда дед, то есть брат с семьёй, да хоть было уже им шо кушать. Потому шо приехали – да нечего ни кушать. Люди как бедствовали после войны, када ничего не было. Ходили милостыню просили. Работали за кусочек хлеба, шоб давали» (Мария, 70 л., Кривое Село Пинского р-на). Часто подчеркивается, что фамильный дом был построен дедушкой либо отцом. Нередко указывается, что при его возведении и обживании были соблюдены все предписания традиции, направленные на обеспечение благополучной жизни домочадцев, например, «*прыносялы мурашных (символ изобилия – И.Ш) на місце, дэ хотілы построіты нову хату*» (Галина, около 80 л., Огдемер Дрогичинского р-на, зап. в 2009 г.), в углах постройки находились монеты (студентка показала нам монеты, которые ее родители обнаружили при перестройке дедовского дома), угольки, освященные*

травы и др. Младшее поколение из рассказов предков знает, что при заселении в дедовский дом в него первой входила бабушка с иконой (либо были запущены кот или петух).

Жительницы села довоенных годов рождения часто акцентируют факт того, что они живут в доме, построенном родителями мужа либо самой молодой (во время постройки) семьей. От них об этом знают потомки: «Мои дедушка и бабушка жили в одной деревне. Познакомились там. Поженились там. И прожили там всю свою жизнь. **Вместе строили дом**» (Наталья, 47 л., Жабинка). В этих домах женщины часто «доглядалы» пожилых родителей и свекров («*От мы строились, я со своим построилась, бабу Аню привозили сюда, она в 61 году умерла...*» (Валентина, 85 л., Малые Мурины Каменецкого р-на). Но, несмотря на десятилетия жизни в «мужевом» доме, своим женщины часто называют дом своих родителей, который нередко расположен в этой же либо соседней деревне и который при удобном случае они стараются посетить. (Иногда они сами переходят жить в старый родительский дом, а дом, построенный с мужем, оставляют повзрослевшим детям.) Даже если с возрастом нет сил самостоятельно добраться до родительского дома (или оставшегося только старого сада и под.), при случае женщины просят детей и внуков свозить их туда, а также на могилы предков. Если состарившиеся бабушки живут в городе с детьми, на праздники их везут в родные места, к родственникам, оставшимся в деревне. Так, внучка-студентка спрашивает у своей бабушки о том, по каким случаям их семья собирается вместе, на что женщина 1935 г.р. отвечает: «*Ну тока шо в деревню ездим, там и собираемся, до Валерки, а больше некуда. Вот Проводная была, перед Пасхой. Отмечали. Да и так, зараз 22 мая Микола, тоже праздник, все отмечали. То тапира в честь гэтай болезни никто не ездит. А так...*» (Валентина, 85 л., Малые Мурины Каменецкого р-на). В приведенной записи, как и ряде иных, женщина с сожалением говорит о невозможности поездки в деревню в связи пандемией COVID-19. (Попутно заметим, что жительницы села в 2020 г. просили более молодых односельчан помочь им по хозяйству, чтобы дети не ехали к ним из города (это могло послужить распространению инфекции).)

Но «есть определенные периоды в жизни родственного коллектива, когда после смерти стариков и/или утраты дома, который выполнял роль центра, представление о «родине» становится мемориальным. Туда изредка совершают символические поездки (а чаще говорят о том, что “надо бы съездить”), привозят землю от “родного очага”. В городе “дедовские” или “родительские” дома показывают детям, внукам» [3, с. 126]. Согласно имеющимся у нас записям, на Брестчине известны подобные представления и практики (нами не зафиксирован только привоз земли от “родного очага”»).

Иногда пожилые люди высказывают опасения, что не успеют перед смертью «съездить домой» – в родительский дом, место, сохранившее связь с умершими предками. В поминальные периоды календаря на могилы предков съезжаются и «городские дети». Студентки рассказывают также, что посещают с родителями даже заброшенные лесные кладбища, где похоронены их предки, причем этому не мешает то, что не только «дедовского» дома, но и самой деревни (либо хутора), а также хорошей дороги в данный момент не существует. На телефонах у

молодежи нередко хранятся фотографии кладбищ, дороги к ним, а также местности, где когда-то стоял дедовский дом (о котором им обычно рассказывают родители).

Студентки также нередко вспоминают о таинственности дедовских домов или рассказывают о бабушкином «укромном уголке», если она живет в доме детей, иногда не понимая бабушкиных занятий, в частности, связанных с рассмотрением фотографий с покойными родственниками (носителей традиции, в которой смерть была «приручена», запечатленный похоронный обряд несколько не смущает): *«Не понимаю логику своей бабушки. Я часто вижу, как она пересматривает фотографии родственников в гробу. И я никогда не понимала, зачем фотографировать, и уж тем более хранить такие ужасные фото. Хранит она их на самом высоком шкафу в доме»* (Елизавета, 19 л., Брест). Иногда девушки повествуют о мистических историях, связанных с дедовским домом, страхах, пережитых в нем. Изредка это ассоциируется с «непонятными методами народной педагогики». Например, одна из студенток рассказывает, что, будучи маленькой, она боялась ночевать в деревенском доме «сильно верующей» бабушки из Ивановского района, поскольку та, видя, что внучка не накрылась полностью одеялом, грубым голосом (демонического персонажа) говорила: «Так, мясо е, ножа ныма». Шла на кухню, громко топая ногами, и возвращалась с ножом. Видя накрытой с головой девочку, говорила: «Так, тэпэр нож е, а мяса ныма» (Брест). Впрочем, подобные фольклорные формулы фигурируют и в других контекстах (наполненные иным содержанием, они могут быть вложены, например, в уста водяника, ищущего жертву). По сей день можно зафиксировать имеющие мифо-ритуальные корни повествования об опасности необжитого жилища и правилах его ритуального обживания, освящения, а также «страшные» рассказы о присутствии в доме потусторонних сил, «домовых», враждебно настроенных (даже смертоносных) духов, генетически связанных с бывшими хозяевами дома, которые занимались колдовством, трагически погибли либо были насильно выселены, и поэтому проклинали дом. Вместе с тем «домовый» может оберегать дом: *«Кажуть, шо в каждыі хаты е домовый, который обырыгае еі од нычогого, од зла, од нычыстыі сылы. Усі гаворать, шо гэто старэнькій, маленькій, сывэнькій дідочок»* (Наталья, около 70 лет, Вавуличи Дрогичинского р-на, зап. в 2009 г.).

Активно разрабатываемой темой по сей день остается нелегитимизированное проникновение в дом различных существ из «чужого мира». Это могут быть такие «вестники беды», как птицы, бьющиеся в окно, влетающие в форточку, насекомые, появляющиеся в доме, спускающиеся вниз (либо черные) пауки, показывающиеся (во сне либо наяву) под окнами дома белые либо черные животные (корова, свинья, курица). Настораживают рассказчиц и увиденные во сне картины проникновения в дом негативно осмысленных персонажей, например: *«Ну бы як звонок у дзверы, а дале бы нехто стукае, а я дзверы бы як открываю, і заходзіць у хату негр к нам. І на мэне кагэ: “Дайце мне бельё”. Ціно посцельное бельё ў мэне просіць. А я бы як гоню яго з хаты ды кагу: “Отчаниса, зчэзні з мое хаты, у мэне нема для цебэ чыстогa белья!” А он бы як такі стоіць, улыбаецца мне той негр. А потом я бы крычу на яго. Он бы вышоў, а я скорэй “хлоп”, і замкнула. І от я на рабоце расказваю одной жоночыне: “Некі, кагу,*

мне сон странны прысніўса, не знаю, шо это такэе”. А она кагэ: “Я то в гэтых снах не разбіраюса, але то ў нас, кажэ, трохі Ліда, трохі в снах разбіраецца, але она, ка, не вэльмі хочэ расказваць. Ты, ка, ёй раскогі, попытайса ў ёе”. Я ўгэ да той Ліды, пытаюса. А она мне ўгэ кажэ: “Оля, гэто плохі сон, кажэ, гэто нешо, гаворыць, недобрэе будзе. **Чорны мужчына – гэто недобрэ, гэто бы як знак смерці.** Але, кажэ, оно і скоро, ка, той сон збудзецца, кажэ”. І точно, мо чэрэз дней два Толя [родной брат расказчыцы] звоніць і кажэ: “Оля, Грыша дзядзькоў Кастусеў погіб. Машына падбіла”. Вот тебе і пожалуста. Та жоночына, ка, в снах добрэ разбіраецца, она не вэльмо хочэ людзям разгадваць да расказваці. Вот шчо» (Ольга, 45 л., Барановичи, переехала из Ракитно Лунинецкого р-на, зап. в 2017 г.). Приведенный текст показателен также тем, что разрабатывает стереотипный мотив «человек получает знак о скорой смерти родственника». Возможны и позитивные предзнаменования о желанной встрече живущих далеко друг от друга родственников, например: «*Есть, Лия. Есть такие сны, которые и мне снятся и в моей родне. Вот допустим, если кровь приснилась, то это значит, что приедет дальний родственник издалека*» (мама рассказывает дочери; Брест). Прагматика повествований, реализующих идею как позитивного, так и негативного предзнаменования касательно родных людей, связана с актуализацией идеи сильной родственной связи. Отметим также, что не все наши собеседницы (особенно молодого поколения) верят в приметы («*О сбывшихся приметах постоянно рассказывает и говорит моя мама. Тип, она очень суеверный человек, и верит абсолютно во всё. То есть в плоть до того, если тебе в окно врежется птица или постучит в э... окошко, значит, кто-то умрет. И один раз у нас совпал такой случай, и с тех пор она абсолютно во все верит. И это на самом деле и смешно, и грустно, и [усмехнулась] плакать хочется*» (Ирина, 20 л., Брест).

Отдельной широко разрабатываемой темой по сей день выступает явление в доме покойных предков. Среди прочего, они дают о себе знать шагами в доме, стуком дверей, печной утвари, посуды, отключением электроэнергии (гаснет свет, выключается телевизор, перестает заряжаться и падает телефон и под.), либо срабатывает дверной звонок, а в глазок никого не видно. Приходя во сне, «мёртвые рода» советуют, как решить проблемы, связанные с домом и хозяйством, недостатчей денег, предупреждают о пожаре и под. Вместе с тем, умерший (особенно насильственной смертью) может досаждать живым домочадцам так, что они вынуждены ночевать в других домах либо вовсе покинуть «нехороший» дом. Обычно сны о том, что умершие приходят в дом, рассаживаются вокруг стола, зовут и уводят с собой кого-то из живых и под., трактуются как предвестие смерти. Разрушение дома или его значимых частей (во сне либо наяву), постройка нового дома (во сне) также интерпретируются как знак скорой смерти кого-то из родственников, что обусловлено древними представлениями об изоморфизме человека и дома, связи дома с домочадцами и различными особенностями его мифопоэтического осмысления. Например: «*Моя мама рассказывала, что когда умер мой дядя, его жене (в эти дни и после смерти) пытался дозвониться один их хороший друг. Но она сначала не брала трубку, а потом всё же ответила. Он сказал (ещё не зная ничего о смерти), что что-то должно случиться плохое, потому что ему приснился сон, в котором он стоит в каком-то*

доме и вдруг обваливается комин (в печи). Она сказала, что умер дядя и уже похоронен. Потом мама мне рассказала, что, если снится сон, в котором дом, а в доме что-то рушится, то это к смерти. Однажды женщине приснился дом, в котором рухнула стена, и очень скоро у неё умер сын» (Анастасия, 19 л., Здитово Березовского р-на). *«Када дом разрушається, то плохо – распад семьи получается. Выход со двора – то то не хорошо, де-та уедешь, уйдёшь куда-то»* (Мария, 70 л., Кривое Село Пинского р-на). Даже просто увиденный во сне (интерпретированном как вещей) дом может сулить неприятность: *«По рассказам моей бабушки, дом снится не к добру»* (Виктория, 18 л., Брест). Вместе с тем в «реалистических» снах женщины могут видеть в деталях (включая шторы, покрывала и под.) свое новое жилище (квартиру).

Современные рассказы о различных обрядах свидетельствуют о том, что статус дома и семантика его «неоднородно-вместительного» антропоцентрично осмысленного пространства ситуативны и изменчивы в соответствии с конкретным ритуальным контекстом. Это выразительно проявляется в описании обрядов, связанных с рождением, браком и смертью человека, с ситуацией ухода из дома его жильца на долгий срок, например, в армию. До сегодняшнего дня дожили запреты и их мотивировки типа: *«Хату ны можна подмітаты, колы у хаты покойнік, і колы хтось з своїх куды-нэбудзь поіхав, шоб він хучій вырнувся назад дохаты»* (Наталья, около 70 лет, Вавуличи Дрогичинского р-на, зап. в 2009 г.). Девушка сообщает: *«Раньше говорили, что разбитая посуда к счастью. Или что нельзя подметать и мыть пол, если человек едет в дороге. И через порог передавать нельзя»* (Ксения, 18 л., Брест).

Связь человека с домом довольно сложна и вариативна. Так, согласно рассказу жительницы деревни Дрочево Малоритского района о насылании порчи на ребенка, его ночной плач происходит только в доме, под окно которого «знающей» была вылита вода после обмывания другого плакавшего ребенка. Когда же ребенка уносят в другой дом (дедушки и бабушки), он там спит нормально: *«Ну як, вот як, тобі робяць, допустім. Вот як Алёна [дочь рассказчицы] наша малая була, я тобі роскажу, в тваі хрышчонкі Зоя [дочь крестной студентки, опрашивающей свою мать] була маленькая, а в таі бабы Марусі [жительница деревни] свыкруха, вона понімала [владела «знанием»]. І тая баба Ніна Зоіна, ну прабабка йіі, Зоі, прабабка Зоі, Эдікова баба, о, твого хрышчонця баба по хрышчонкі, она понімала. І от, була в манэ малая Алёна і онэ лынулы воду, тую, шо дытэну помэлы, і от, допустім, і лынулы воду **под укно**... І от іхняя Зоя спала, а наша Алёна крычела крэком. І заіду в Оріхово до бабы Каті [мать рассказчицы] – малая спэць хочь бы шо. Я дажэ і спала, высыпалася, а прыіду сюдэ... А батько шэ й покойный як той раз напэвся, то шэ й выганев мына: “Ідэ...”. Знаеш, я ж матюком ны буду казаты <...> То батько гонэв мына: “Йідь кудэ хоч! Мэні нада спаты”. Я кажу: “А як тэ хотів, малая...” “Кудэ хоч ідэ, чого она в Оріховы спэць, а тутыка ны спэць!” Кажу: “Попытайся, чого она спэць, а чо ны спэць...” І потом я худэла в Оріховы, там бабка була, э... такая тожэка. Она кажа: “Ала, возьмэ трэ уголька і зробы воду в стакан двесьтіграмовый набырэ...” Она мэні проделала і показала на будушчое. І кажа: “Знай, в кажды, скіко куточків в хаті, мовчкі прынысэ водэ з колодця, ны до кого ны озывайся” І кажа: “Зробэ тое... малэй. А як шэ будуть діты в тыба,*

зробэ то, як хто шо зробыць”. І пасля того, як она мэні прodelала так, і сразу малая стала спаты в Дрочывы, Алёна. А так я йіздыла до бабы... і дід колыхав, і баба Катя [родители рассказчицы] колыхала. Зробяць онэ порчу такую, ны дай Бог» (Алла, 49 л., Дрочево Малоритского р-на). Таким образом, «испорченным» может представляться не только ребенок, а и сам дом, под окно которого была принесена вода. Соответственно нейтрализация порчи и возвращение нормального состояния ребенку, живущему в доме, предполагает ритуальную апелляцию к его углам и, возможно, коммуникацию с духами, в них локализованными.

В заключение отметим, что значимые для семейных рассказов концепты (род, семья, дом), имея непосредственное отношение к пространству, несут на себе дополнительную, существенную для этих рассказов прагматическую нагрузку, связанную с утверждением «коллективной» идеологии «малой группы» и ее единением. Приведенные и подобные им женские повествования могут послужить дальнейшему рассмотрению (с применением гендерного подхода) человека как пространственно-временного, социального («семейного»), символического и повествующего существа. Все эти аспекты нашей организации эксплицитно либо имплицитно представлены в рассказах, которые могут быть интерпретированы как самостоятельный феномен вернакулярной культурной традиции Брестчины, продуктивное явление речевой практики ее жительниц, которое находит воплощение в совокупности относительно устойчивых текстов, реализующихся в процессе внутрigrупповых и внегрупповых контактов, в том числе с интервьюером.

Список использованной литературы:

1. Lejman, J. Człowiek a przestrzeń – przebywanie w przestrzeni (o filozofii «spacjocentrycznej» uwag kilka) / J. Lejman // *Wschodni rocznik humanistyczny*. – 2013. Т. IX. – С. 323–337.
2. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. – Москва: Просвещение, 1988. – С. 251–292.
3. Разумова, И. А. *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История* / И. А. Разумова. – Москва: Индрик, 2001. – 376 с.